

Ирина
Лукьянова

ПЕРВЫЕ КЛАССИКИ.
С КОГО НАЧИНАЛАСЬ
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Большой
литературный
канон*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Л84

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Лукьянова, Ирина Владимировна.

Л84 Первые классики. С кого начиналась русская литература. — Москва:
Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Большой литературный канон).

ISBN 978-5-17-185859-9

Книга, которую вы держите в руках, посвящена русской литературе конца XVIII — первой половины XIX века — эпохе становления национальной литературы и золотого века русской словесности. В центре повествования — писатели, поэты, критики и издатели, чьи судьбы определили литературную жизнь своего времени: от Василия Тrediakovского и Александра Сумарокова до Владимира Бенедиктова и Федора Тютчева.

Это не академический биографический словарь, а собрание художественно-документальных очерков. Автор раскрывает историю литературы через человеческие судьбы, дружбы, творческие поиски, литературные споры и культурный контекст эпохи — так раскрываются взаимосвязи между героями, из которых складывается целостная картина литературной жизни России XVIII века и первой половины XIX века.

Издание подойдет всем, кому интересно узнать литературу глубже школьных уроков, понять, кто стоит за знаменитыми строками и какие люди сформировали наш культурный код. Книга написана живым, увлекательным языком и будет интересна людям с самым разным читательским бэкграундом.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Серия «Большой литературный канон»

Ирина Лукьянова

ПЕРВЫЕ КЛАССИКИ.

С кого начиналась русская литература

Заведующая редакцией *Елизавета Рябицина*. Ответственный редактор *Людмила Макаева*
Менеджер проекта *Евгения Кузнецова*. Художественное оформление *Евгения Алёнушкина*
Компьютерная верстка *Анны Грених*. Технический редактор *Наталья Чернышева*
Корректор *Мария Антонова, Марина Крыжановская*

Подписано в печать 23.09.2026. Формат 84×110/32. Усл. печ. л. 25,65

Бумага книжная кремовая. Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги печатные.

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2026 году.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1, комн. 705, пом. 1, 7 этаж.

Наш сайт: www.ast.ru E-mail: ask@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гулзар, үй 21, 1 құрылым, 705 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz • Интернет-дукен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС. Дистрибьютор
и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Өндірген мемлекет: Ресей

© Ирина Лукьянова, текст, 2026

Левитский Сергей Львович (1819–1898). Портрет Фёдора Ивановича Тютчева. 1856 г. © Музей-заповедник «Усадьба «Мураново»

Вивьен де Шатобрен Иосиф-Евстафий (1793–1852). Пушкин Василий Львович (1766–1830). 1823 г. © Всероссийский музей А.С. Пушкина

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-185859-9

ОТ АВТОРА

Эта серия писательских биографий предлагает взгляд на русскую литературу от начала XVIII века и примерно до Великой Отечественной войны через призму частных человеческих судеб.

Первые герои участвовали в становлении послепетровской русской литературы и привели ее к расцвету — золотому веку. Вслед за поэтическим взлетом первой половины XIX века придет пора внимательных *наблюдений* и глубоких размышлений об обществе и человеке в нем, о человеческой душе и смысле ее существования.

Однако затем наступает кризис реализма: появляется модернизм с его исканиями и находками. Те писатели, чье творчество неразрывно связано с понятием серебряный век, стали в русской литературе разорванным, рассеянным, разбросанным по миру поколением. Сегодняшнему читателю может быть важно понять, какая жизненная и художественная правда стояла за решением одних уехать, а других — остаться в своей стране и трудиться «со всеми сообща и заодно с порядком».

Речь здесь пойдет не только и не столько о классиках, которых каждый знает по портретам и хрестоматийным текстам, сколько о тех, кто составлял и создавал ту литературную среду, в которой рождались великие книги.

Писательское ремесло — дело одинокое, но литература создается не в одиночестве. Она рождается не в реторте Фауста, не в тиши кабинета, а в журнальных войнах, переписке, разговорах с единомышленниками, в совместной работе.

Писатель почти никогда не существует отдельно от друзей и соперников, редакторов и издателей, домашних кружков, салонов, журналов, альманахов. Писатель, как и любой человек, переживает влюбленности и разочарования, семейные драмы и утраты. Он проживает великие и трагические события своего века. И становится частью огромного литературного процесса.

Эта книга выросла из серии журнальных статей, и поводом для практически каждой из них был юбилей писателя; куда реже — мой собственный выбор или выбор редактора. За 14 лет моей работы над этими биографиями постепенно сложился круг имен — заведомо неполный, потому что складывался он в значительной мере случайно. Однако, когда число биографий перевалило за сотню, стало понятно, что в этой случайности есть своя система — хотя система субъективная.

Обычно я старалась по возможности отдавать предпочтение не самым знаменитым писателям, которых знают и любят скорее профессиональные филологи. Но это и не история литературы «второго ряда»: даже если я не пишу отдельно о Пушкине, Карамзине

или Белинском, они неизбежно присутствуют в жизни моих героев, спорят с ними, хвалят или ругают их, откликаются на прочитанное... А вокруг — люди, которых история литературы помнит хуже: литературные соперники, враги и друзья, издатели, хозяйки салонов — все те, без кого вряд ли можно увидеть эпоху во всей ее полноте и сложности.

Вряд ли стоит искать в этой серии биографий энциклопедическую полноту или какую-то иерархию, писательскую табель о рангах: мне вообще трудно делить писателей на первый, второй и прочий ряды: в какой ряд мы поставим Тредиаковского, который в свое время был первым и единственным? А Державина? А Крылова?

Главное для меня было — рассказать о людях, которые стоят за текстами. И о том, что я люблю в них самих и их текстах. Пожалуй, это был главный — и совершенно не академический — вопрос, на который я отвечала всякий раз: что я люблю в этом человеке? Что я люблю в его текстах? Что сейчас, в XXI веке, мне кажется важным, интересным, актуальным?

Мне всегда казалось, что любой текст любого автора лучше понятен и богаче смыслами, если на него смотреть в биографическом контексте: какие обстоятельства привели к его появлению? Как он родился? Характер писателя и его привычки, его частная человеческая жизнь, дружбы, привязанности, семейная жизнь, болезни, личные драмы — все это не факультативное приложение к полному собранию сочинений. Это часть той почвы, на которой расцветает творчество.

Зачем знать о великом писателе, каким он был в частной жизни? «Он мал, как мы, он мерзок, как

мы»? Нет. Мне здесь особенно близок подход Корнея Чуковского, который всегда смотрел на своего героя и как на частного человека, и как на творца; одна ипостась обогащает и дополняет другую. Чехов, Некрасов, Блок, Горький в его текстах — не только литераторы, но и просто люди с их человеческими слабостями и горестями, с их противоречиями и дисгармонией. Понимание того, что авторы великих книг несовершенны, не приводит Чуковского, как некоторых нынешних читателей, к выводу «Раз они были такие противные, зачем их читать?» — напротив, для него драгоценнее всего то, что творчество поднимает и выпрямляет слабого человека, делает его сильным и свободным. Это свойство литературы поднимать и выпрямлять самого ничтожного из «всех детей ничтожных мира» отлично знал Пушкин:

*Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел...*

События короткой человеческой жизни помогают увидеть логику и последовательность большой истории. Литература продолжает жить в спорах, дружбе и вражде, журнальной полемике и ругани в соцсетях, в манифестах и тихом незаметном труде за письменным столом.

История литературы никогда не бывает только историей книг. Это всегда история людей — это живой мир, полный человеческих голосов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Героями этой книги стали писатели и поэты, которые определяли, какой быть современной русской литературе. Смутное время, раскол, петровские реформы повернули литературу от церковного к мирскому, от божественного к человеческому. Ее взгляд, прежде обращенный внутрь христианской души, теперь обратился наружу — к многообразию жизни, к человеку и государству, к культуре древней и современной. Русская литература в XVIII и начале XIX века только учится осознавать себя как европейскую литературу в ряду других европейских литератур, она ведет с ними глубокий диалог.

Писатели и поэты спрашивают себя: кто мы? в чем наше своеобразие? какой должна быть наша национальная литература? каким языком она должна изъясняться?

Литература учится говорить по-русски, изучает Россию и тех, кто в ней живет. В это время она существует не только в книжном виде — но и в виде списков, передающихся из рук в руки, в виде литературных докладов, журнальных публикаций. Она живет

в кружках, литературных обществах и салонах; она сильна личными дружескими связями.

Литература этого времени рождает новый русский язык, опрокидывает традиционную систему жанров, напряженно ищет гармонию и красоту — и эта гармония находит высшее, предельное воплощение в пушкинском творчестве.

Но мечты о золотом веке оказываются несбыточными, гармония — хрупкой. История по-своему распорядается человеческими судьбами. Крах надежд на свободы, неудача декабристского восстания, политическая реакция, безвременная и трагическая гибель Пушкина — все это выводит литературу из ее кипучей, резвой, полной надежд молодости в суровую зрелость.

Герои этой книги еще не знают, что они живут в эпохе, которую потом назовут золотым веком русской литературы. Многим из них в этом времени не очень уютно.

Одни размышляют о новом языке, другие — о новом государстве и новом человеке. Одни верят в человеческий разум, другие разочаровываются во всяких надеждах. Бунтари и государственные чиновники, глубоко верующие и скептики, педанты и насмешники — очень разные, очень непохожие. Но для каждого литература была не школьной программой, а делом жизни, живой и опасной работой мысли, пространством спора, поисков и открытий, способом понять мир, человека и себя.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ
ТРЕДИАКОВСКИЙ
(1703–1769)

Тредиakovскому досталось незавидное место в истории: над ним принято потешаться, цитируя его неуклюжие строки — ни дать ни взять танцующий бегемот. XVIII век совершенно свалил его в Лету вместе с его многотомными трудами. А к концу XX стало ясно, что это герой скорее трагический, чем комический, что это серьезный ученый и умный реформатор. И если не крупный поэт, то крупный

литератор, чье место в литературе не исчерпывается авторством, да и то сомнительным, строчек «стоит древесно, к стене примкнуто...».

Василий родился в 1703 году в семье астраханского священника Кирилла Яковлева; священником был и дед его, и сам он должен был стать священником. Считается, что фамилию Тредиаковский он получил уже во время учебы, как и большинство семинаристов, а означала она, что в предках у него было три дьякона. О детстве будущего поэта ничего не известно.

Кирилл Яковлев служил в соборной Троицкой церкви. Семья была большая, прокормить ее было трудно, так что у семьи был свой огород. Правда, его в 1717 году пришлось продать, потому что отец задолжал кому-то 48 рублей и не мог рассчитаться.

Василий учился в школе, которую основали в Астрахани монахи-капуцины, появившиеся там вслед за «немцами» — переселившимися в Россию при Иване Грозном и Петре I европейцами. Он писал впоследствии: «обучался языкам, также свободным наукам, а наконец философическим и математическим знаниям; употребил на то 18 лет, сперва в отечестве моем Астрахани, у римских монахов, потом оставя мое отечество, родителей, дом и всех сродников чрез краткое токмо время, в Москве, в Славено-латинском училище, напоследок в Парижском университете...».

Литературовед Василий Самаренко рассчитал, что в обучение к капуцинам будущий поэт поступил в 1713 году, 10 лет от роду — ведь Парижский университет он покинул в 1730 году: вот вам и 18 лет учебы. Тредиаковский писал, что у римских монахов

он учился по желанию родителя — «словесным наукам на латинском языке». Окончив курс, подал в 1722 году астраханскому вице-губернатору Кикину прошение о выдаче ему паспорта: юноша хотел поступать в Киево-Могилянскую академию. Паспорт ему выдали, но уехать в Киев он не смог: то ли семья воспротивилась, то ли не было денег. Отец видел Василия священником, а священнику положено быть женатым — и парня женили. Биографы долго считали, что он сбежал в Москву, спасаясь от свадьбы, — но, кажется, спасался он уже от навязанной ему жены. Ее звали Федосья Фадеева, она была дочерью сторожа Астраханской губернской канцелярии Фадея Кузьмина.

В 1723 году Тредиаковский, убегая в Москву — по охоте своей к учению, объяснял он потом, — жене не оставил ни копейки. Она продала свои украшения, купила дом; свекор отдал ей выделенный сыну участок огорода. Через четыре года в Астрахани разразилась эпидемия чумы, от которой умерла вся семья. Дом разорили мародеры. Из большой семьи выжили только сестра Василия Кирилловича Мария с сыном и отец Федосьи Фадей Кузьмин; из имущества остался клочок земли, который Кирилл Яковлев выделил Василию с женой; из-за этого клочка Кузьмин долго судился с Марией. В конце концов огород продали, а вырученные деньги поделили между судящимися. Возвращаться осиротевшему Тредиаковскому стало совсем некуда и не к кому.

Существует неясная легенда, что его еще в Астрахани заметил приезжавший туда Петр I, который якобы назвал юношу «вечным тружеником». Литературовед Лев Пумпянский предполагает, что

определенную роль в побеге Тредиаковского в Москву могли сыграть приехавшие с Петром Дмитрий Кантемир (отец поэта Антиоха Кантемира) и его секретарь, переводчик и поэт Иван Ильинский, который окончил в Москве Славяно-греко-латинскую академию. Именно в эту академию Тредиаковский и отправился учиться — это было на тот момент единственное высшее учебное заведение в России. До 1725 года он изучал в академии риторику и пиитику; в это время он написал две трагедии — обе не сохранились — и переводил с латинского языка роман шотландца Джона Беркли «Аргенида», который позже перевел заново. Учился он за собственный счет; весьма вероятно, что ему помогали капуцины, возможно, кстати, что они же заказали ему и перевод романа. Известно, что Тредиаковский принимал участие в панихиде по Петру I, где прочитал несколько стихотворений, написанных на латыни. В 1725 году он бросил учебу, окончив класс риторики, которым заканчивалось среднее образование, и собрался завершать обучение в «Европейских краях, а особливо в Париже: для того, как всему свету известно, что в оном наиславнейшия находятся».

ПАРИЖСКИЕ ГОДЫ

До 1727 года он жил в Гааге при русском посланнике в Голландии Иване Головкине. Затем отправился в Париж — по собственному его свидетельству, он пришел туда «пеш из самого Антверпена» по причине своей крайней бедности (расстояние между этими городами — 323 километра, то есть идти пришлось не менее недели). Он учился в Сорбонне —

в коллеже Мазарини; изучал богословие и свободные искусства, писал, что еще математику и философию, но документов, это подтверждающих, не сохранилось, а диплом университета, по утверждению Тредиаковского, был утрачен во время пожара. Головкин снабжал его одеждой, обеспечивал пропитание и выплачивал стипендию. Некоторые исследователи предполагают, что Тредиаковский прослушал полный курс обучения, но экзаменов не сдавал: они были платными, а денег у него почти не было. В Париже он жил у князя Александра Куракина, представителя при французском дворе, а затем российского посла; именно Куракину Тредиаковский посвятил свой перевод «Езды в остров Любви», первого большого сочинения. Куракин, пишет Пумпянский, «поручил ему переговоры с сорбонскими богословами, которые (после пребывания Петра в Париже в 1717 году) хлопотали о соединении католической церкви с православной». Тредиаковский в 1728 году передал Сорбонне от российского правительства перевод Библии на церковнославянский язык. Хорошее знание языков, богословское образование, связи с католиками со времен обучения у капуцинов — все это должно было послужить выполнению важных дипломатических задач.

Через два года пребывания в Париже Тредиаковский свел обширные знакомства с дипломатическими кругами, но стать в них своим бедный попович, разумеется, не мог. Дружба в этом кругу была для него невозможна — разве что поиск покровительства; двери салонов были для него закрыты. Может быть, еще и поэтому он стал не столько участником,

сколько исследователем европейского литературного процесса. Он изучал и древних авторов, и современную ему литературу французского классицизма. Он и сам писал стихи на французском. Ученые утверждают, что стихи эти (на русский их перевел Михаил Кузмин, тщательно сохранив наивную, неповоротливую грацию) вполне соответствуют общему среднему уровню французской литературы XVIII века и никоим образом не свидетельствуют ни о каком «дурном вкусе» Тредиаковского. А ведь именно обвинения в дурном вкусе постоянно предъявляли ему на родине. Борис Успенский пишет: «...применительно к русскому языку он, по необходимости, находится в совершенно другом положении: в данном случае он не может *воспользоваться* уже сложившейся и апробированной языковой нормой, а должен ее *создавать*».

ОСТРОВ ЛЮБВИ

Окончив курс в Сорбонне, Тредиаковский несколько месяцев жил в Гамбурге, где занимался имущественными делами князя Куракина и переводил роман Поля Таллемана «Езда в остров Любви». Роман этот с многочисленными стихотворными вставками он издал по возвращении в Россию — книга имела колоссальный успех.

В самом деле, до сих пор у любви в русской литературе не было своего языка — кроме, может быть, языка народных песен. В едва секуляризованном обществе, где еще и «Домострой» не успел устареть, сама возможность разговора о любви в литературе была нова, но грубый и откровенный язык

петровского времени с канцеляризмами и варваризмами для него не годился. Галантный роман Таллемана, где Тирсис, влюбленный в Аминту, попадал на остров Любви и странствовал по нему — от поместья Беспокойности к замку Искренности или пещере Жестокости, — по сути, учил молодых людей новому языку любви и именно потому стал чрезвычайно популярен. Любовь, страдания, муки ревности, разочарование — все здесь было. И даже наивная, грубоватая эротика.

Само собой, Тредиаковского обвинили в безнравственности и развращении юношества. По этому поводу он написал секретарю Академии наук Шумахеру письмо на французском языке, где называл своих хулителей ханжами, Тартюфами и сволочью (в другом переводе — подлыми тварями): «Неужели они не знают, что сама природа, эта прекрасная и неутомимая владычица, заботится о том, чтобы научить все юношество, что такое любовь. Ведь, наконец, наши отроки созданы так же, как и другие, и они не являются статуями, изваянными из мрамора и лишенными всякой чувствительности; наоборот, они обладают всеми средствами, которые возбуждают у них эту страсть, они читают ее в прекрасной книге, которую составляют русские красавицы, такие, какие очень редки в других местах». Он жаловался, что его обвиняют «в нечестии, в нерелигиозности, в деизме, в атеизме, наконец во всякого рода ереси». Позже Тредиаковский даже будет снабжать стихи осторожными пояснениями, которые сейчас принято называть дисклеймерами: мол, Аполлин (он так называл Аполлона) — выдуманный бог, символ поэзии, обращаться к нему не зазорно, потому что это